

**Адвербиализатор *giža* (гужа)
в андийском языке**
The adverbializer giža in Andi

Т. А. Майсак

T. A. Maisak

В статье рассматривается статус показателя *giža* (гужа) в андийском языке аваро-андийской группы нахско-дагестанской семьи. Этот показатель нередко выступает с финитными глагольными формами, так что возникает соблазн интерпретировать его как суффикс, образующий деепричастия (и, действительно, деепричастия с этим показателем упоминаются в некоторых предшествующих описаниях). Как, однако, мы показываем на материале текстовых примеров, *giža* следует считать скорее общим *адвербиализатором*, превращающим в обстоятельства глагольные клаузы и составляющие различных типов — именные группы, послеложные группы и наречия. Это синтаксический показатель, который располагается на правой границе составляющей и не является собственно «глагольным».

Ключевые слова: андийский язык, нахско-дагестанские языки, деепричастия, адвербиализация

The present article examines the marker *giža* (гужа) in Andi, a language of the Avar-Andic branch of the Nakh-Daghestanian family. This marker often co-occurs with finite verb forms, so one may think of analysing it as a verbal suffix that derives converbs from finite verbs. However, as I show with examples taken from Andi texts, *giža* functions as a more general adverbializer that produces adverbials from both clauses and constituents of various types, namely noun phrases, postpositional phrases and adverbs. Thus, *giža* is not a verbal suffix as such, but rather a syntactic marker which is placed in the rightmost element of a constituent or a clause.

Key words: Andi, Nakh-Daghestanian, converbs, adverbialization
DOI: 10.37892/2313-5816-2022-1-50-72

1. Введение

Нахско-дагестанские языки принадлежат к языкам «алтайского» типа, которые предпочитают нефинитные глагольные вершины в подчинительных клаузах. «Индоевропейский» тип зависимых предложений с союзами и финитными глагольными вершинами, за очень редкими исключениями, не свойствен языкам нахско-дагестанской семьи, где в качестве вершин зависимых клауз мы встречаем прежде всего деепричастия, причастия, инфинитив и отглагольные имена (без использования подчинительных служебных слов типа союзов). Все эти нефинитные формы, как правило, образуются регулярно от любых глагольных лексем и входят в их словоизменительную парадигму.

Наряду со словоизменительными глагольными формами причастий и деепричастий в ряде нахско-дагестанских языков имеются специальные морфемы с функцией *атрибутивизации* или *адвербиализации*: атрибутивизаторы превращают в определение составляющую, которая не может сама по себе выступать в качестве определения, тогда как адвербиализаторы превращают синтаксическую группу в обстоятельство. Примером атрибутивизации косвенно-падежной группы может служить (1) из андийского языка (аваро-андийская группа): здесь *χunt'uli bošilloj* 'для поросенка' — это бенефактивная именная группа в дательном падеже, которая при атрибутивизации становится определением 'тот, который для поросенка' при именной вершине *milki* 'дом'¹.

(1) ...ххунтҭули бошиллойсси милкиле... (Сказки)

<i>χunt'-u-li</i>	<i>boši-ll-o-j-s-i</i>	<i>milki=le?</i>
[свинья-OBL-GEN	детеньш-OBL-DAT]=ATTR	дом.ABS=?
'Это дом для поросенка?'		

¹ Атрибутивизатор =s:i мы в строке глоссирования обозначаем как клитику, поскольку этот показатель присоединяется уже к падежнооформленным именным группам (а не именным основам) — а, кроме того, к наречиям и финитным клаузам; в целом, однако, классификация =s:i как клитики или суффикса является дискуссионным вопросом (см. подробнее [Майсак 2019]).

При этом оказывается, что атрибутивизаторы и адвербиализаторы могут сочетаться не только с такими составляющими, как, например, косвеннопадежные именные группы, но и с глагольными клаузами: тем самым, в языке могут существовать «атрибутивизированные» или «адвербиализированные» клаузы. Учитывая, что в глагольную парадигму и так входят несколько причастий и деепричастий, такое сосуществование может показаться странным: зачем языку могут «быть нужны», например, глагольные формы с атрибутивизатором при наличии специализированных причастных форм? Не может ли оказаться так, что, будучи формально допустимыми, эти «вторичные» причастия в действительности будут неупотребительны или же будут просто дублировать значение «базовых» причастий?

Ранее, в работе [Майсак 2021], мы попытались ответить на этот вопрос на материале андийского языка, рассмотрев использование в нем атрибутивизатора =s:i с глагольными формами. Как показало это исследование, несмотря на то что в андийском имеются две специальных формы причастий, ими покрывается далеко не весь спектр видово-временных функций: причастие на -b выражает перфективное значение, причастие на -ja — хабитуально-футуральное. При этом в семантических контекстах, недоступных для этих форм, используются как раз атрибутивизированные финитные формы глагола; наиболее частотные из них — это атрибутивизированный презенс на -r=s:i (-rado=s:i), который является наиболее широкой по значению имперфективной формой, а также атрибутивизированный перфект на -d:u=s:i, описывающий результирующее состояние, релевантное к или длящееся в точке отсчета. Тем самым, каждое из «вторичных» причастий занимает свою нишу, семантически напрямую соотносящуюся с финитным употреблением производящей формы.

В настоящей работе мы обратимся к показателю адвербиализации =guža. В строке глоссирования мы будем обозначать его как энклитику, поскольку он присоединяется уже к полноформленным словоформам (разных классов

слов); однако вопрос о клитической или суффиксальной природе данного показателя детально рассматриваться не будет и может считаться открытым. По форме =*giža* представляет собой сочетание частиц =*gi* и =*ža*, каждая из которых используется в андийском и независимо. При этом частица =*gi* чрезвычайно полифункциональна: это интенсификатор, который выражает тождество ('тот же'), скалярную аддитивность ('даже'), а также общую эмфазу и контраст (см. краткий обзор в [Maisak 2021: 13–16]; о близкой по типам употреблений аварской клитике =*go* см. [Fogker 2015]). Диахронически к этому же показателю восходит суффикс числительных -*gi*. Также -*gi* входит в состав показателя комитатива =*logu* (где =*lo* представляет собой аддитивную частицу 'тоже'), показателя неопределенных местоимений =*gulo* (с тем же аддитивом, но в другой позиции) и суффикса отрицательного перфективного деепричастия -*č'igi* (где -*č'i* — отрицательный суффикс, не используемый в других андийских формах). Во всех этих случаях на синхронном уровне удобнее говорить уже о неделимых показателях, а не о комбинациях двух морфем.

Для наших целей интерес представляет использование =*gi* с прилагательными в функции, как минимум близкой к адвербиализации: так, в (2) эта частица выступает на прилагательных *mič'i* 'маленький' и *ihi* 'много, многих'². Признать здесь =*gi* «чистым» адвербиализатором мешает тот

² В андийском языке, как и в ряде других языков нахско-дагестанской семьи, прилагательные относятся к числу тех классов слов, которые могут содержать морфологическую позицию для согласования по роду (именному классу). При этом наличие согласовательного «слота» и его позиция (суффиксальная или префиксальная) является лексическим свойством конкретного прилагательного: так, *mič'i* 'маленький' относится к несогласуемым прилагательным, тогда как *-eč'iça* 'большой' — к согласуемым (с префиксальной позицией). Некоторые андийские наречия могут также суффиксально согласовываться с абсолютивом по множественному числу, ср. *mič'-ol* 'мало' и *wih-ol* 'много' в (2); о механизме согласования по числу, отдельном от согласования по роду, см. [Закирова 2020].

факт, что граница между классами прилагательных и наречий в андийском проводится нечетко и =*gi* не является обязательным при наречном использовании.

(2) Мичіолгу гьалтІуннибор — мичігу гьгьощя, вугьолгу гьалтІуннибор — бигьугу гьгьощя. (Сказки)

<i>mič'-ol=gu</i>	<i>halt'unni-bor</i> –	<i>mič'i=gu</i>	<i>goš'-dja</i> ,
[маленький-PL]=ADV	работать-COND	[маленький]=ADVZ	доставать-FUT
<i>w-uh-ol=gu</i>	<i>halt'unni-bor</i> –	<i>b-ihu=gu</i>	<i>goš'-dja</i> .
[М-много-PL]=ADVZ	работать-COND	[IV-много]=ADVZ	доставать-FUT

‘Поработаешь мало — получишь мало, а поработаешь много — получишь много.’

С глагольными формами, однако, частица =*gi* в роли адвербиализатора не засвидетельствована³, поэтому далее мы ограничимся рассмотрением сложного показателя =*giža*, построенного на ее основе.

Что же касается частицы =*ža*, то вне показателя =*giža* она используется только как дискурсивный показатель очевидной ситуации (или «энимитива», см. [Рапов 2020]) типа русского *ведь*, ср. (3). Вероятно, на определенном историческом этапе =*ža* выступила как «усилитель» =*gi* в функции адвербиализатора, хотя сама мотивация выбора подобных «эмфатических» частиц для маркирования адвербиализации остается не вполне понятной.

(3) ...гьовло Ирбагинив вошожа. (Лк. 19:9)

<i>ho-w=lo</i>	<i>irbahin-i-w</i>	<i>wošo=ža</i>
DEM-M=ADD	Авраам-OBL-GEN(M)	сын.ABS=ENIM

{Сегодня пришло спасение в этот дом, — сказал Иисус. —} ‘Ведь и он сын Авраама.’

Задачей настоящей статьи является выяснение того, как именно функционирует показатель =*giža* в андийском языке (в верхнеандийских говорах). Во-первых, нас будет интересовать, с какими именно глагольными формами со-

³ В верхнеандийских говорах; в [Церцвадзе 1965: 359] упоминается, что =*gi* используется для образования деепричастий (в его терминах, «абсолютивов») в нижнеандийских говорах.

четается данный показатель и как значения обстоятельственных клауз с этими формами соотносится со значением обычных деепричастных клауз, возглавляемых собственно формами деепричастий. Во-вторых, мы уточним статус сочетаний «финитная форма глагола + =*giža*» с точки зрения того, являются ли они дополнительной серией производных деепричастий, входящих в глагольную парадигму, или же они имеют иной статус. Наше исследование основано исключительно на текстовых примерах и, тем самым, его результаты носят ограниченный характер: в центре рассмотрения находится только то, как именно показатель =*giža* используется в андийском языке (с точки зрения доступных ему опорных слов и значения результирующих сочетаний). В рамках данной статьи мы не даем ответа на вопрос о том, каковы ограничения на дистрибуцию показателя =*giža* (например, с какими типами опорных слов он невозможен или каковы значения, недоступные сочетаниям с этим показателем); этот вопрос представляется нам важным и заслуживающим отдельного исследования, опирающегося уже на процедуру элицитации, а не на анализ корпусных примеров.

В данной работе мы рассмотрим все употребления показателя =*giža*, встретившиеся в выборке андийских текстов. Как и в статье [Майсак 2021], мы опираемся на данные верхнеандийского диалекта, представленные в двух опубликованных источниках — сборнике сказок народов мира (2010) и переводе Евангелия от Луки (2015)⁴. Таким образом, еще одним ограничением нашего исследования является

⁴ Обе книги представляют собственно андийский говор, хотя в переводе Евангелия использован скорее смешанный вариант, поскольку встречаются и черты других верхнеандийских говоров, не свойственные говору с. Анди. Русский перевод фрагментов из Евангелия от Луки ниже дан по современному переводу РБО, с пояснением буквальной структуры андийского текста в случае необходимости. При переводе в транскрипцию примеров из перевода Евангелия от Луки была устранена недостаточная различительность фонем, свойственная принятому в этом издании способу записи.

использование лишь письменных текстов, при этом почти исключительно переводных (в сборнике сказок лишь одна сказка представляет собственно андийский фольклор). Основанием для выбора текстовых источников является их объем и, соответственно, сравнительно большое число примеров использования показателя =*giža*. В аутентичных текстах на различных андийских говорах, приложенных к опубликованным в XX веке грамматическим очеркам, =*giža* встречается лишь в единичных случаях, что, вероятно, объясняется малым объемом данных текстов (см. Таблицу 1). То же верно и применительно к небольшому неопубликованному устному корпусу рикванинского говора, записанному в 2015 году (один из двух имеющихся там примеров употребления =*giža* будет процитирован ниже).

Таблица 1. =*giža* в доступных текстовых источниках

Источник	Объем (слов)	Говор(ы)	Число употреблений = <i>giža</i>
Сказки (2010)	8500	Анди	18
Евангелие от Луки (2015)	20000	смешанный	41
Дирр 1906	3400	Анди	0
Сулейманов 1957	330	Риквани	1
Церцвадзе 1965	1800	разные	0
Салимов 2010	770	Гигатли	1
Устный корпус (2015)	4400	Риквани	2

Дальнейшая структура работы такова. В разделе 2 мы кратко охарактеризуем систему андийских деепричастий (собственно «первичных» деепричастий, не включающих адвербиализатор). В разделе 3 на основе текстовых данных мы покажем употребления адвербиализатора с глагольными формами или, более точно, с глагольными клаузами. Далее в разделе 4 будет охарактеризовано использование =*giža* с именными и послеложными группами и наречиями. В разделе 5 подводятся итоги и делается вывод о статусе верхнеандийского показателя адвербиализации.

2. «Первичные» деепричастия в андийском языке

Как правило, в системе деепричастий нахско-дагестанских языков можно выделить «общие» по значению деепричастия, передающие значения предшествования или одновременности, и несколько «специализированных» деепричастий (часто называемых конвербами), выражающих более специфические темпоральные значения, а также причину, цель, условие и уступку и пр. В андийском система конвербов достаточно бедна, а общее деепричастие только одно — в отличие от ряда родственных языков, в андийском нет специальной формы деепричастия одновременности (или имперфективного деепричастия). Имеющееся перфективное деепричастие на *-du* выражает предшествование, оно образовано от перфективной основы и синкретично с финитной формой перфекта/результатива. От формы на *-du* при помощи вспомогательного глагола в прошедшем времени образуется аналитический плюсквамперфект. Помимо собственно предшествования (4), деепричастие на *-du* может выражать образ действия в конструкциях с глаголами движения, как в (5); см. также обсуждение употреблений деепричастия в [Verhees 2019].

(4) Экхилехе бикГудо дин гвала гьоггъуло бикГволдду гиллольбор?
(Сказки)

<i>el'i=leqe</i>	<i>b-ik'u-do</i>	<i>din</i>	<i>gwala</i>	<i>hogu=lo</i>
почему=MEDIT	IV-быть-HAB	я.ABS/ERG	мешок.ABS	[на_полу=ADD
<i>b-ik'wol-du</i>	<i>gil-lo=ti-bor?</i>			
IV-быть.CAUS-PFV.CVB]	катить-HAB=стать-COND			

‘А что если я опущу мешок на землю и покачу его (букв. если покачу, поставив)?’

(5) РучГиндду рулинно щив ишудолакку... (Сказки)

<i>r-uč'in-du</i>	<i>r-ulin-no</i>	<i>iw</i>	<i>išu-do-la-ku</i>
[V-убегать-PFV.CVB]	V-уходить-HAB	молоко.ABS	вымя-OBL-IN-ELAT

‘Бежит молоко по вымечку (букв. побежав/убегая идет)...’

К специализированным конвербам в андийском можно отнести условную форму (ср. *ti-bor* в (4)), от которой при

помощи показателя аддитива образуется уступительная, причинную форму ('из-за того, что'), две «терминативные» формы со значением временного предела ('до того, как'), а также форму соответствия ('согласно тому, как'). Образуются большинство конвербов от перфективной основы; одна из терминативных форм и форма соответствия образуются от презентной основы (а, точнее, от формы хабитуалиса на *-do*). Все указанные формы конвербов, за исключением условного, весьма редки — в текстах встречаются лишь единичные примеры их использования.

3. «Вторичные» деепричастия: адвербиализатор на глагольных формах

Всего в рассмотренных нами текстах встретилось 59 примеров использования адвербиализатора =*giža*. В подавляющем большинстве случаев (46 раз) данный показатель располагается на глагольной форме, при этом в большинстве из этих случаев (29 раз) это форма Презенса прогрессива, см. примеры (6)–(8) ниже.

Андийский Презенс прогрессива — это основная презентная форма, которая используется в различных контекстах имперфектива настоящего времени, в том числе прогрессивных, дуративных и хабитуальных (для выражения хабитуального значения имеется также специализированный Хабитуалис). Презенс прогрессива имеет «длинное» окончание *-rado* после обычных и *-tado* после назализованных основ, а также «краткое» окончание *-r* после обычных и *-n* после назализованных основ (краткие формы на *-n* используются крайне редко); у каузативных глаголов зафиксированы особые варианты *-rallo / -mallo*.

(6) Гьегер кечіи кьордиргужа, гьегеб булондду Нуф-Нуфохо. (Сказки)
hege-r keč'i q'ordi-r=giža, hege-b b-ulon-du
 [DEM-V песня.ABS петь-PROGR]=ADVZ DEM-III III-уходить-PRF
nuf-nuf-o-χo.

Нуф-Нуф-OBL-AD.LAT

'Напевая эту песенку, он направился к Нуф-Нуфу.'

(7) Петер вотонгужа риггъгодду гъаца гъирододи вокъашолгидду гъовул... (Лк. 9:34)

peter w-ot'o-n=giža r-igo-du hac'a
 [Петр.ABS M-разговаривать-PROGR]=ADVZ V-приходить-PFV.CVB белый
hiro-do-di w-oq'ašoti-du ho-w-ul...
 облако-OBL-ERG M-прятаться.CAUS-PRF DEM-M-PL

‘И он еще не успел договорить (букв. когда Петр говорил), как появилось облако и покрыло их своей тенью...’

(8) Эбиллъги босамадогужаги биссил воггъоллъгъо... (Лк. 24:17)

ebi-l-li bosa-mado=giža=vi bis:il w-ogolo...
 [что<IV>-OBL-GEN рассказывать-PROGR]=ADVZ=WH вы.ABS M-PL/приходить.PRS
 ‘Что это вы обсуждаете по дороге?’

Помимо Презенса прогрессива, с показателем =*giža* встретились нерегулярные формы презенсов (10 раз) — в частности, форма презенса на -*o* (-*on*) у глаголов движения и у глагола ‘смотреть’, см. (9) и первую часть (11).

(9) Вучондду вуггъолгъогужало жена вошуло гъилолъги... (Лк. 9:42)

w-ušon-du w-ugolo=giža=lo žena
 [M-приводить-PFV.CVB M-приходить.PRS]=ADVZ=ADD бес.ABS
wošu-lo hilo-ŋi...
 мальчик-SUP.LAT вверху.LAT-VBZ.AOR

‘Когда мальчик подходил, бес набросился на него...’

Пять раз с показателем =*giža* встретила форма Перфекта на -*du*. Во всех случаях глагол выражает текущее состояние субъекта — ‘напуган’ (дважды, см. (10)), ‘слушает’ (дважды), ‘смотрит’. Так, в (11) клауза с Перфектом в резуль- тативном значении сочинена с клаузой с Презенсом.

(10) Кутакилогу сирддугужа, бошул ячичиндду йолондду. (Сказки)

kutaki=logu sir-du=giža, boš-ul j-ač'in-du
 [сила=COMIT пугаться-PRF]=ADVZ детеныш-PL.ABS III.PL-PL/убегать-PFV.CVB
j-olon-du.

III.PL-PL/уходить-PRF

‘В ужасе (букв. будучи сильно напуганными) бросились поросята бежать.’

Если исходить из трактовки =*giža* не как клитики, а как адвербиального (деепричастного) суффикса, то можно было бы считать, что в андийском языке этот суффикс образует несколько «вторичных» деепричастий от других глагольных форм, а именно от презенсов, Перфекта и Футурума. Таким образом, в парадигму глагола можно было бы добавить презентное деепричастие типа *bosamado-giža* ‘разговаривая’ от глагола ‘разговаривать’, перфектное деепричастие типа *sirdu-giža* ‘будучи напуганным’ от глагола ‘пугаться’ и футуральное деепричастие типа *bevelja-giža* ‘будучи в состоянии’ от глагола ‘мочь’. Именно такова трактовка форм на -*giža* в некоторых классических работах по андийской грамматике: так, в [Церцвадзе 1965: 359] и [Салимов 2010: 196] в числе деепричастий выделяется «деепричастие⁶ настоящего времени» на -*rado-gужа* (-*мадо-гужа*), а в [Сулейманов 1957: 407–409] упоминается, что в рикванинском говоре «посредством суффиксов *гу* и *гужа* образуются формы намеревательного, настоящего, общего и будущего времен деепричастий» (приводимые в данном разделе примеры при этом содержат только формы на -*giža*, но не на -*gi*).

Нам, однако, не кажется удачной трактовка =*giža* как суффикса, образующего деепричастные формы глаголов. Против такой интерпретации свидетельствуют два аргумента. Во-первых, даже в случае, если адвербиализации подвергается клауза, возглавляемая глагольной формой типа Презенса прогрессива, показатель =*giža* может располагаться не на самой глагольной форме. Так, в примере (13) адвербиализуется клауза *higili bosomado hegewul* ‘они рассказывают про это’, букв. «об этом рассказывают они»; результатом адвербиализации является зависимая клауза со значением ‘в то время, как они про это рассказывали’. В данном случае, однако, конечную позицию в клаузе зани-

пары вопросительных, кватативных и др. клитик сочетается только с Аористом в роли вершины клаузы, тогда как вторая клитика — с любой другой формой); см. подробнее [Майсак 2020]. Мы благодарны анонимному рецензенту за указание на эту параллель.

⁶ В терминах И. И. Церцвадзе — «абсолютив настоящего времени».

мает не глагол ‘рассказывают’, и в отличие от большинства рассмотренных выше примеров мы не видим здесь сочетания Презенса прогрессива с адвербиализатором *bosomado=giža* ‘в то время, когда рассказывал(и)’. Конечную позицию в клаузе занимает субъект *hegewul* ‘они’ — такая позиция не является нейтральной и, по всей видимости, вызвана особой коммуникативной структурой клаузы. Тем не менее, показатель *=giža* следует именно за конечным словом составляющей, а не за глаголом.

(13) Гьигилльльги босомадо гьегевулгужа, рокъирола воккудогьодду саламло иччидду, Иса гьакъу рокьилльгьу зуди вугъидду. (Лк. 24:36)

<i>higi-l-li</i>	<i>boso-mado</i>	<i>hege-w-ul=giža,</i>
[DEM-OBL(F/N)-GEN	рассказывать-PROGR	DEM-M-PL]=ADVZ
<i>roq'ì-r-o-la</i>	<i>w-oku-do=vodu</i>	<i>salam=lo</i>
мириться-MSD-OBL-IN.ESS	М-оставаться-OPT=QUOT	приветствие.ABS=ADD
<i>ìçi-du,</i>	<i>isa</i>	<i>haq'u rol'iltu zudi w-wi-du.</i>
давать-PFV.CVB	Иисус.ABS дом посередине стоймя	М-останавливаться-PRF

‘И вот, они это рассказывают (букв. когда они про это рассказывали) — и вдруг сам Иисус стоит посреди и говорит им: — Мир вам (букв. да будьте в мире)!’

Такая постанова грамматических показателей — на правой границе составляющей, а не на вершине — характерна для целого ряда андийских морфем, в том числе, например, квотативных клитик, оформляющих чужую речь (*=vodu,* *=łodu,* *=du*). Эти показатели «равнодушны» к категории слова-хозяина, они обозначают именно границу составляющей независимо от того, какой элемент находится последним. Здесь мы имеем дело с «маркированием границы» (edge marking), а не вершинным маркированием (head marking), которое ожидалось бы, будь *=giža* «собственно глагольным» показателем.

Второй аргумент был частично проиллюстрирован тем же примером (13), в котором «хозяином» *=giža* не является глагол. В действительности, адвербиализации при помощи *=giža* может подвергаться не глагольная клауза, а некоторые типы неглагольных составляющих.

4. Адвербиализаторы на неглагольных составляющих

На неглагольных составляющих показатель *=guža* в наших текстовых данных встретился 13 раз, при этом в 9 случаях на именной группе, в 1 случае на послеложной группе и в 3 случаях на наречии. В этих употреблениях составляющая — «хозяин» адвербиализатора обозначает определенное место, состояние (процесс) или способ действия. Так, адвербиализация *пространственной группы* может быть проиллюстрирована примерами (14) и (15) с локативными падежами имени, (16) с локативным наречием и (17) с послеложной группой. Во всех случаях исходная группа описывает область пространства, тогда как результирующая адвербиальная группа имеет значение ‘в то время, когда (субъект) находится в соответствующей области пространства’.

(14) Микъикъигужа сешди гъитЎндду Исахъи... (Лк. 9:57)

miq'i-l'i=guža se-š-di hit'on-du isa-qi..
[дорога-SUB]=ADVZ один-OBL(M)-ERG говорить-PRF Иисус-APUD
‘...и в дороге какой-то человек сказал Иисусу...’

(15) Гъигилъзу Бетлегеъмлагужа Маряний мочИи иду заманно бехъ-одду... (Лк. 2:6)

higi-tu betlehem-la=guža marjan-i-j moč'i i-du
[DEM-LOC Вифлеем-IN.ESS]=ADVZ Мария-OBL-DAT ребенок.ABS делать-INF
zaman=no b-eqo-du...
время.ABS=ADD IV-достигать-PFV.CVB
‘И когда они были там в Вифлееме, ей пришло время родить...’

(16) Гъогъгъугужа ургъуннидду... (Сказки)

hogu=guža urvunni-du...
[на_полу]=ADVZ думать-PRF
‘Села⁷ и думает...’

⁷ В андийском языке смысл ‘сидеться, сидеть’ выражается сочетанием наречия ‘на полу, на земле’ с глаголом ‘быть, стать’, ср. *hogu wuk'odu* ‘он сел/сидел’, букв. «на полу был». В примере (16) использовано только наречие *hogu* (в значении ‘сидя’, букв. «на полу, на земле») без бытийного глагола.

(17) ...илучіу гьинугужа Ххера Шанно кабдя гьешульгьи... (Лк. 1:15)
ilu-č'u hīnu=guža χ:era šan=no kab-dja
 [мать-CONT внутри.ESS]=ADVZ драгоценный дух.ABS=ADD входит-FUT
he-šu-li...
 DEM-OBL(M)-INTER
 ‘но исполнится Духа Святого с самого рождения (букв. будучи внутри матери)...’

Адвербиализация именных групп со значением состояния или процесса показана в (18) и (19). Первый пример можно интерпретировать и как содержащий безглагольную клаузу ‘в мире есть это поколение’ (без связки в андийском оригинале). Во втором примере *dua-χodirola* представляет собой номинализованное сочетание «молитва-просить» в локативном падеже (букв. «в молении»). Получаемые в результате адвербиализации обстоятельства описывают ситуации, сопутствующие осуществлению основной ситуации: ‘в то время, как в мире живет это поколение’, ‘в то время, как Иисус молился’.

(18) дунялла гьнооб наслугужа бульгьидя гьебгьибгьгья дан...
 (Лк. 21:32)
dunja-l-la hono-b naslu=guža b-ši-dja
 [мир-OBL-SUP.ESS DEM-IV род.ABS]=ADVZ IV-выходить-FUT
he-b=vib=ga dan...
 DEM-IV=CONTR=DEGR вещь.ABS
 {Знайτε, что близко Царство Бога:} ‘еще не пройдет это поколение (букв. в мире это поколение будучи), как все это сбудется...’

(19) Дуа-ходиролагужа Иса гьадуку воршадду... (Лк. 9:29)
dua-χodi-r-o-la=guža isa hadu-ku
 [молитва-просить-MSD-OBL-SUP.ESS]=ADVZ Иисус.ABS на_лице-ELAT
w-orša-du...
 M-меняться-PRF
 {Иисус поднялся на гору помолиться.} ‘И во время молитвы (букв. в молении будучи) лицо Его вдруг изменилось...’

Наконец, наречие *образа действия* подвергается адвербиализации в следующем примере. При том что *hegeballa* само по себе означает ‘так, таким образом’ (оно производно от демонстратива *hegeb* ‘тот’ при помощи показателя образа

действия *-(h)alla*), результирующую группу *hegeballa=guža* можно перефразировать примерно как ‘в то время, как дело обстояло таким образом’, ‘в то время, когда все случилось так, как оно случилось’. ‘Таким образом’ в данном случае описывает не собственно процесс перемещения, а отсылает к предшествующим событиям и резюмирует положение дел к моменту возвращения героя к обретенной им семье (семерым сестрам).

(20) Гъегебалла гужагъегевул чѐлгулло гъундой решлИссол гъокуту
 йоццухво вохъодду... (Сказки)
hege-b-alla=guža *hege-w-ul* *č'e-l-guɔblo* *hundo-j*
 [DEM-IV-MNR]=ADVZ DEM-M-PL два-PL-COLL<PL> DEM-F
reš-li=s:-ol *hol'u-gu* *јоси-χʷo* *w-oqo-du...*
 лес-INTER=ATTR-PL семь-NUM сестра-AD.LAT М-достигать-PRF
 {Юноша убивает отца и мачеху, когда-то решивших обречь его на
 гибель, и забирает с собой свою сестру.} ‘И вот так они вдвоем пришли
 в лес к тем семерым сестрам...’

Заметим, что теоретически некоторые из адвербиализованных именных и послеложных групп или наречий могут оказаться клаузами, содержащими «нулевую» связку⁸. В андийском языке утвердительная связка настоящего времени *i* (по говорам, также *ži*, *ži*), как правило, не используется в предложениях идентификации и характеристики, хотя регулярно выступает в бытийных и локативных предложениях. В предложениях типа ‘(он) находится внутри матери’ (17) или ‘в мире существует это поколение’ (18) опущение связки в принципе не ожидается, поскольку это те контексты (соответственно, локативный и бытийный), где она стандартно присутствует. Однако мы не можем исключить, что ее опущение здесь все-таки имеет место и вызвано пока еще не выявленными причинами.

⁸ Мы благодарны анонимному рецензенту за указание на возможность данного анализа.

5. Заключение

Итак, мы рассмотрели употребления в текстах показателя =*giʒa*, который в подавляющем большинстве случаев используется при глагольных формах, превращая соответствующую финитную клаузу в зависимую адвербиальную клаузу. Как выяснилось, однако, =*giʒa* не «принадлежит» именно форме глагола, но маркирует клаузу целиком, располагаясь на ее правой границе. Поскольку в глагольных клаузах андийского языка именно глагол, как правило, занимает конечную позицию, =*giʒa* стандартно следует за глаголом, что может создать впечатление, будто этот показатель является именно глагольным аффиксом, а сочетания финитных форм с этим аффиксом представляют собой своего рода «вторичные», производные деепричастия. Однако имеются примеры как того, что в адвербиализованной глагольной клаузе =*giʒa* располагается не на глаголе, а на другом конечном слове, так и того, что адвербиализации подвергаются неглагольные составляющие. Тем самым, вопреки существующей описательной традиции (см. о ней раздел 3) =*giʒa* следует признать не суффиксальным показателем деепричастий, а более общим по значению и более автономным показателем адвербиализации, превращающим финитные клаузы и неглагольные составляющие разных типов в обстоятельства. Морфосинтаксический статус андийского адвербиализатора можно определить как клитику (энклитику) или же, в рамках тех подходов, которые предпочитают не иметь дела с клитиками как особым классом грамматических единиц, — как «фразовый аффикс» (phrasal affix), ср. прежде всего обсуждение в [Anderson 2005; Spencer & Luís 2012].

Обратимся ко второму из поставленных нами в начале исследовательских вопросов. Хотя в подавляющем большинстве случаев адвербиализованная клауза или составляющая с =*giʒa* выражает ситуацию, сопутствующую по времени ситуации, выраженной в главной клаузе (‘имеет место Р при том, что имеет место Q’), =*giʒa* вряд ли можно

считать именно темпоральным маркером¹. Так, например, в (12) значение зависимой клаузы ('если вы даже такой малости не можете') можно интерпретировать как условное либо причинное, а не чисто темпоральное. Аналогично, в (21) из устного корпуса риквининского говора *su=giža* 'не существую; при том, что не существует' в сочетании с аддитивной клитикой выражает уступительное значение. Очевидно, впрочем, что второстепенная ситуация, синхронная основной, может в зависимости от контекста расцениваться и как условие либо причина осуществления последней.

(21) Гьегелд рулИд, ссугужало все равно гьегелд рулИд жигъойд. (Устный корпус)

<i>hege-l-d</i>	<i>ruli-d,</i>	<i>su=giža=lo</i>	<i>wse rawno</i>
DEM-OBL(F/N)-ERG	говорить-PRF	[COP.NEG]=ADVZ=ADD	все.равно
<i>hege-l-d</i>	<i>ruli-d</i>	<i>ži=wojd.</i>	
DEM-OBL(F/N)-ERG	говорить-PRF	COP=QUOT	

{Бедняк заходит в дом и спрашивает у женщины, есть ли у нее что-нибудь, чтобы накормить его.} 'Она сказала, хотя и не было, все равно сказала, что есть.'

Как и в случае с атрибутивизацией глагольных форм (клауз), рассмотренных ранее в работе [Майсак 2021], про адвербиализацию глаголов нельзя сказать, что она «не нужна» и функционально просто дублирует уже существующие в языке деепричастия. В андийском есть только одно общее деепричастие, и оно выражает в основном перфективное значение (см. раздел 2 выше). Семантические зоны имперфективности (дуративность, хабитуальность, генеричность) или футуральности/перспективности деепричастными формами никак не охвачены. Эти функциональные лакуны и заполняются адвербиализацией глагольных клауз, возглавляемых основными индикативными формами — Презенсом прогрессива (и другими презенсами),

¹ Специализированные темпоральные конструкции в андийском также существуют и исторически представляют собой причастные клаузы с (теперь уже частично морфологизованным) вершинным именем *rihi* 'время', ср. *anti-b-rihi* [слышать-РФV.РТСР-время] 'когда услышал'.

Перфектом и Футурумом. Адвербиализованные клаузы с первой из этих форм покрывают имперфективную зону, со второй — перфектно-результативную, с третьей — проспективную и генерическую. Как следует из упоминаний образования форм на *-гужа* в рикванинском говоре у Я. Сулейманова, этот показатель может сочетаться и с другими формами парадигмы, например формой намерения: ср. *хъвардулхъ-гужа* [Сулейманов 1957: 408], где *q^wardulq* — рикванинская форма, означающая ‘собирается написать’. Следовательно, адвербиализатор способен превратить любое видо-временное значение, передаваемое финитной формой индикатива, в признак сопутствующей ситуации.

Помимо этого, адвербиализованное сочетание, которое обозначает сопутствующую ситуацию, может быть построено и не на основе глагольной клаузы. В корпусных данных в качестве составляющих, адвербиализуемых при помощи *=gūža*, зафиксированы именные группы (как правило, в локативных падежах), послеложные группы и некоторые наречия. Ограничения на адвербиализацию неглагольных составляющих пока ясны не до конца в силу лишь небольшого числа имеющихся примеров, и в будущем могут быть уточнены данными элицитации. Кроме того, остается пока открытым вопрос о том, могут ли как минимум некоторые из адвербиализуемых именных или послеложных групп на самом деле представлять собой клаузы, а именно бытийные предложения с «нулевой» связкой.

Благодарности

Автор благодарит двух рецензентов за целый ряд критических замечаний, позволивших существенно улучшить текст статьи, а также Стивена Кея за обсуждение и ценные поправки.

Сокращения

ABS — абсолютив

AD — локализация ‘возле’

ADD — аддитив

ADVZ — адвербиализатор

AFF — аффектив	INTER — локализация
AOR — аорист	‘внутри массы’
APUD — локализация ‘возле’	IV — 4-й род
ATTR — атрибутивизатор	LAT — латив
CAUS — каузатив	LOC — локативная серия
COLL — собирательность	демонстративов
COMIT — комитатив	M — 1-й (мужской) род
COND — кондиционал	MEDIT — вопрос-
CONT — локализация	размышление
‘в контакте’	MNR — образ действия
CONTR — контрастив	MSD — масдар
COP — связка	(отглагольное имя)
CVB — деепричастие	NEG — отрицание
DAT — датив	NUM — числительное
DEGR — показатель степени	OBL — косвенная основа
DEM — демонстратив	OPT — оптатив
ELAT — элатив	PFV — перфектив
ENIM — энимитив	PL — множественное число
ERG — эргатив	PRF — перфект
ESS — эссив	PROGR — презенс прогрессива
F — 2-й (женский) род	PRS — презенс
F/N — женский или	PTCP — причастие
средний род	Q — общий вопрос
FUT — будущее время	QUOT — квотатив
GEN — генитив	RDP — редупликация
HAB — хабитуалис	SUB — локализация ‘под’
III — 3-й род	SUP — локализация ‘сверху’
IN — локализация	V — 5-й род
‘внутри контейнера’	WH — частный вопрос
INF — инфинитив	VBZ — вербализатор

Источники

Дунялла бахуннирсси халгъгьиллЛол гъгъванаб мицЦи-
иллассол мухал [Сказки народов мира на андийском языке].
Отв. ред. П. А. Магомедова, пер. М. А. Алисултановой. Ма-
хачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010.

Лукашди босам рергъанолълги хабар [Евангелие от Луки]. Москва: Институт перевода Библии, 2015.

Литература

Дирр А. М. Краткий грамматический очерк андийского языка // *Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа*. 1906, вып. 36, отд. 4, 1–200.

Закирова А. Н. Согласование по числу в андийском языке: экспансия из парадигмы существительных // *Родной язык*, 2020, 2: 94–123.

Майсак Т. А. Атрибутивные показатели в андийском языке: клитики или аффиксы? // Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). *Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского*. Москва, 2019, 280–305.

Майсак Т. А. Выбор клитики в зависимости от видо-временной формы предиката: данные андийского языка // *Типология морфосинтаксических параметров*, 2020, 3(1): 77–94.

Майсак Т. А. Простые и производные причастия в андийском языке: сходства и различия в морфологии и семантике // *Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи. Сборник статей по материалам VII Международной научной конференции. 24–25 июня 2021 г.* Махачкала, 2021, 63–68.

Салимов Х. С. *Гагатлинский говор андийского языка*. Махачкала, 2010.

Сулейманов Я. Г. *Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани)*. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1957.

Церцвадзе И. И. *Андийский язык*. Тбилиси, 1965. [На груз. яз., резюме на рус. яз.]

Anderson S. R. *Aspects of the theory of clitics*. Oxford, 2005.

Forker D. Towards a semantic map for intensifying particles: Evidence from Avar // *STUF — Language Typology and Universals*, 2015, 68: 485–513.

Maisak T. Endoclitics in Andi // *Folia Linguistica*, 2021, 55(1): 1–34.

Panov V. The marking of uncontroversial information in Europe: presenting the enimitive // *Acta Linguistica Hafniensia*, 2020, 52(1): 1–44.

Spencer A., Luis A. *Clitics: An introduction*. Cambridge, 2012.

Verhees S. General converbs in Andi // *Studies in Language*, 2019, 43(1): 195–230.

Sources

Dunyalla bakhunnirssi khalg”g”illIol g”g”vanab mitsItsIillassol mukhal [World fairy-tales in Andi]. Otv. red. P. A. Mago-medova, per. M. A. Alisultanovoi. Makhachkala: ID «Nurul’ irshad», 2010.

Lukashdi bosam rerg’anol”l”i khabar [Gospel of Luke]. Moskva: Institut perevoda Biblii, 2015.

References

Anderson S. R. *Aspects of the theory of clitics*. Oxford, 2005.

Dirr A. M. Kratkii grammaticheskii ocherk andiiskogo yazyka [Brief grammar sketch of the Andi language] // *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza*, 1906, vyp. 36, otd. 4, 1–200. (In Russ.)

Forker D. Towards a semantic map for intensifying particles: Evidence from Avar // STUF — *Language Typology and Universals*, 2015, 68: 485–513.

Maisak T. A. Atributivnye pokazateli v andiiskom yazyke: klitiki ili affiksy? [Attributive markers in Andi: clitics or affixes?] // Gerasimov D. V., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (red.). *Sbornik statei k 85-letiyu V. S. Khrakovskogo*. Moskva, 2019, 280–305. (In Russ.)

Maisak T. A. Prostye i proizvodnye prichastiya v andiiskom yazyke: skhodstva i razlichiya v morfologii i semantike [Basic and derived participles in Andi: similarities and differences in their morphology and semantics] // *Kavkazskie yazyki: genetiko-tipologicheskie obshchnosti i areal’nye svyazi*. *Sbornik statei po materialam VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. 24–25 iyunya 2021 g. Makhachkala, 2021, 63–68. (In Russ.)

Maisak T. A. Vybor klitiki v zavisimosti ot vido-vremennoi formy predikata: dannye andiiskogo yazyka [The choice of a clitic can be driven by the tense-aspect form of the predicate: evidence from Andi] // *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov*, 2020, 3(1), 77–94. (In Russ.)

Maisak T. Endoclitics in Andi // *Folia Linguistica*, 2021, 55(1): 1–34.

Panov V. The marking of uncontroversial information in Europe: presenting the enimitive // *Acta Linguistica Hafniensia*, 2020, 52(1): 1–44.

Salimov Kh. S. *Gagatlinskii govor andiiskogo yazyka* [The Gagatli dialect of Andi]. Makhachkala, 2010. (In Russ.)

Spencer A., Luís A. *Clitics: An introduction*. Cambridge, 2012.

Suleimanov Ya. G. *Grammaticheskii ocherk andiiskogo yazyka (po dannym govora s. Rikvani)* [Grammar sketch of Andi, based on the dialect of the Rikvani village]. Diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1957. (In Russ.)

Tsertsvadze I. I. *Andiiskii yazyk* [The Andi language]. Tbilisi, 1965. (In Georgian, in Russ.)

Verhees S. General converbs in Andi // *Studies in Language*, 2019, 43(1): 195–230.

Zakirova A. N. Soglasovanie po chislu v andiiskom yazyke: ekspansiya iz paradigmy sushchestvitel'nykh [Number agreement in the Andi language: Expansion from the nominal paradigm] // *Rodnoy yazyk*, 2020, 2: 94–123. (In Russ.)

Майсак Тимур Анатольевич

Институт языкознания РАН

НИУ ВШЭ

Москва, Россия

Maisak Timur Anatolievich

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

HSE University

Moscow, Russia

timur.maisak@gmail.com